
Институциональный дизайн рабочих групп расследования уголовного дела: на примере районных судов малых городов и сельской местности

Е.А. ХОДЖАЕВА*

*Екатерина Анисовна Ходжаева – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, ekhodzhaeva@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

Цитирование: Ходжаева Е.А. (2024) Институциональный дизайн рабочих групп расследования уголовного дела: на примере районных судов малых городов и сельской местности // Мир России. Т. 33. № 2. С. 142–162. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-142-162

Аннотация

Статья дополняет исследования организационных аспектов расследования уголовных дел в России через характеристику институционального и неформального взаимодействия представителей различных ведомств и структур (судей, прокуроров, следователей, адвокатов) на материалах из малых городов и сельской местности. Предлагается аналитическое разделение слабых и сильных рабочих групп судебного расследования уголовного дела на основе критериев сплоченности и лидерства, которое трансформируется в ресурс управления этой группой. Слабость таких групп определяется низкой кооперативностью их участников, где каждый сосредоточен на собственных задачах. Однако чаще всего в малых городах мы встретили сплоченные группы. В незначительной части из них лидерство принадлежит судьям, которые, отвечая за финальный исход дела, оказываются ресурсно способными влиять на представителей следствия, прокуратуры и адвокатов. Более распространенный случай сильных рабочих групп – это распределенное лидерство между судьями и прокурорами, где последние берут на себя роль медиатора общих интересов с органами следствия. Адвокаты и следователи без исключений оказываются в сильных рабочих группах в подчиненной позиции. Факторами усиления рабочих групп являются, по нашим полевым данным, общий бэкграунд всех участников (например, общий опыт работы в прокуратуре), единая политика вышестоящих организаций и стабильность состава участников, отсутствие кадровой текучки и ротации.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Хамовники» по результатам проекта «Правосудие в малых городах: рабочие группы vs суд равных».

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г.

Ключевые слова: уголовная юстиция в России, рабочие группы суда, организационный анализ судопроизводства, межведомственное взаимодействие, нагрузка судов, суд присяжных

*«Судья не разрешает спор и не господствует в суде, в лучшем случае, он управляет, и чаще им управляют другие»
[Eisenstein, Jacob 1977, p. 37].*

Введение

В статье представлены результаты полевого исследования, которое с 2019 по 2021 г. проводила группа ученых из Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Автор статьи продолжает разработку подхода организационного анализа российской уголовной юстиции, начатого в этом институте [Панях и др. 2018; Моисеева 2014; Бочаров и др. 2016; Волков и др. 2015]. Стартовой точкой проекта явилось введение в июне 2018 г. суда с участием присяжных в районных судах. Основная идея исследования состояла в определении, как устроено уголовное преследование в России с точки зрения установленных длительных взаимоотношений между профессиональными участниками расследования уголовного дела. Для этой цели мы сосредоточились на малых городах и районных центрах – населенных пунктах с населением до 100 тыс. чел. В качестве основного аргумента выбора такого объекта исследования было выдвинуто предположение о небольшом составе рабочих групп расследования уголовного дела в подобных населенных пунктах. Малочисленность давала шансы обнаружить наиболее простые и устойчивые конфигурации рабочих взаимодействий между профессиональными участниками в контексте структурированных организационных условий. Вторым по значимости основанием для исследовательского фокуса стал тот факт, что правосудие в таких населенных пунктах остается малоизученным явлением: обычно исследователи или авторы аналитических докладов опираются либо на агрегированные на уровне страны данные, либо на ситуацию в столицах или мегаполисах. Третий технический аргумент связан с достижимостью: опросить всех участников расследования уголовного дела в крупном городе с учетом контрагентных взаимоотношений с другими ведомствами – для независимого исследователя задача весьма сложная. В малых городах и крупных селах, где действует один районный суд, работает небольшое число адвокатов, представителей районной или межрайонной прокуратуры, межрайонных (и реже районных) отделов Следственного комитета России (СК), и организовать доступ в поле если не проще, то реалистичнее.

В данной статье автор ставит задачей охарактеризовать эмпирические типы и конфигурации рабочих групп расследования уголовного дела. Суд присяжных (уже состоявшийся или гипотетически возможный) рассматривается для рабочей группы как внешний шок, с которым каждый из типов рабочих групп справляется разными методами.

Теоретическая рамка исследования

Социологические исследования судопроизводства с точки зрения организационного подхода показывают, что нормативно закрепленный дизайн и юридическая догма сталкиваются с «проблемой правоприменителя», не свободной не только от собственных социальных, культурных и даже политических установок, но помещенной в специфический организационный контекст. Последний кардинальным образом влияет на то, как быстро и с каким результатом будут рассматриваться дела в судах.

Такой подход начали применять ученые в США с конца 1960-х гг., добавив организационный анализ судов к традиционному юридическому анализу судейской и прокурорской дискреции и к криминологическому взгляду на необходимость социального контроля над преступностью. Первые исследования организационного контекста уголовной юстиции выстроились в следующих направлениях:

- формальные и неформальные правила в организации [Eisenstein, Jacob 1977; Sudnow 1965; Blumberg 1967; Rosett et al. 1976];
- принятие решений судьями, дискреция суда и прокуратуры [McDonald 1979; Emerson 1983; Padgett 1985; Nardulli et al. 1985; Farrell, Holmes 1991];
- переговоры между сторонами при участии суда в целях заключения сделки и отказа от полноценных судебных слушаний [Church 1976; Heumann 1978; Maynard 1984];
- слабая связность (*loose coupling*) между организациями, включенными в расследование дела, вынесение решения и дальнейшее его исполнение [Hagan et al. 1979];
- отношения организации с окружением, прежде всего с сообществами, концентрирующимися вокруг суда [Levin 1977; Clear et al. 1978; Altheide 1992].

Автор предложенной статьи отталкивается от концепции «рабочих групп зала суда» [Eisenstein, Jacob 1977], первое применение которой к российским судам было осуществлено Е.Н. Моисеевой на материалах включенного наблюдения в двух судах Санкт-Петербурга [Моисеева 2014]. Согласно этой концепции, судья не принимает решения в одиночку в тиши совещательной комнаты, хотя ему это приписано законом и догмой. Решение по уголовному делу – это всегда результат межличностных отношений, складывающихся в ходе рутинного взаимодействия участников расследования дела в суде. Важнейшее значение имеют не рядовые граждане, может быть, единожды пришедшие в суд, а прежде всего профессиональные юристы, участвующие в судах на постоянной основе [Galanter 1974].

При рассмотрении уголовного дела судья, прокурор, адвокат, работники суда, включая и приставов, формируют «рабочую группу зала судебного заседания» [Eisenstein, Jacob 1977], или «элиту зала суда», имеющую монополию власти [Nardulli 1978], при этом она не принадлежит ни одному из его участников. Объединенные общими интересами, в число которых большинство исследователей американских судов относит прежде всего задачу решения проблемы высокой нагрузки как общую коллективную цель [Nardulli 1978], они должны так или иначе договариваться. В итоге власть в каждом деле разделена между участниками: у каждой из сторон и у судьи (как арбитра) есть собственный

набор ресурсов, применение которых приводит к общим договоренностям. При постоянном совместном участии в делах всего коллектива можно ожидать, что эти договоренности обретут стабильный характер и будут значимым фактором (1) снижения риска неблагоприятного для многих участников исхода (когда дело затянется или даже развалится) и (2) оптимизации нагрузки и общего рабочего процесса.

Однако участники рабочей группы действуют в ней не в одиночку как самостоятельные игроки. В зале суда они репрезентируют так называемые обеспечивающие организации (*sponsoring organizations*). Для российских судей – это вышестоящие суды, для обвинителей – региональные управления прокуратуры, для адвокатов – адвокатские коллегии и палаты, включая вышестоящий федеральный уровень всех названных структур. Даже приставы в конкретном здании суда включены в широкий организационный контекст управлений Федеральной службы судебных приставов, подчиненной Министерству юстиции. Поскольку в России задействована инквизиционная модель уголовной юстиции¹, следователи и дознаватели, готовящие дело для суда, не меньше прокуроров-обвинителей оказываются участниками рабочей группы, хотя в судах проявляются редко². Они также, как и все другие включены в широкий организационный контекст своих обеспечивающих организаций – управлений СК, следственных подразделений МВД или ФСБ. В России дознаватели ведут уголовные дела еще в большем диапазоне организационных контекстов³.

Таким образом, аналитическая рамка статьи подразумевает одновременный фокус на:

- взаимодействию всех профессиональных участников расследования уголовного дела (прежде всего в суде, но также и на досудебной стадии);
- вовлеченности всех акторов в собственный организационный контекст и следование политикам обеспечивающих организаций;
- трансформации этих политик в конкретные микрорешения участников в ходе работы с уголовным делом.

Методология исследования

При поддержке Фонда «Хамовники» мы провели исследование в 27 населенных пунктах (Поволжье – 7, Сибирь – 1, Северо-Запад – 5, Центральная Россия – 2, Урал – 12). Поскольку в сферу нашего внимания попали регионы, где суд с участием присяжных – большая редкость, мы были вынуждены с целью обеспечения анонимности отказаться от названия не только городов, но и даже регионов. Всего по проекту собрано 128 интервью и бесед «под блокнот» в малых городах

¹ Термин «инквизиционный» лишен негативной коннотации и означает наличие досудебного следствия как отличительной особенности системы уголовного преследования в странах континентальной системы публичного права.

² Чаще всего это происходит для получения судебного решения о мерах в отношении заподозренного лица или обвиняемого или при согласовании с судом определенных следственных действий.

³ Помимо МВД и ФСБ, расследование уголовных дел в форме дознания ведут в рамках своих компетенций Федеральная таможенная служба, Министерство чрезвычайных ситуаций, Федеральная служба судебных приставов и некоторые воинские структуры.

(не считая судей, адвокатов и прокуроров, участвующих в делах в крупных и столичных городах⁴) (таблица 1).

Таблица 1. Подробная информация о полевых работах

Географический район	Полевые работы (ноябрь 2018 – июнь 2021 г.)
Северо-Запад (пять регионов, 11 городов, включая Санкт-Петербург и два региональных центра)	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение за четырьмя делами в судах в двух регионах; • интервью с 21 профессиональным юристом (шестью судьями, двумя сотрудниками прокуратуры, девятью адвокатами, тремя следователями и одним секретарем суда)
Центральная Россия (два региона, два города)	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение за одним делом в одном регионе; • интервью с девятью профессиональными юристами (двумя судьями, тремя сотрудниками прокуратуры, тремя адвокатами, одним следователем)
Поволжье (два региона, 12 городов, в том числе два областных центра)	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение за двумя делами в двух регионах; • интервью с 35 профессиональными юристами (17 судьями, семью сотрудниками прокуратуры, девятью адвокатами, двумя следователями)
Уральский регион (12 городов, в том числе региональный центр)	<ul style="list-style-type: none"> • интервью с 48 профессиональными юристами (13 судьями, восьмью сотрудниками прокуратуры, 19 адвокатами, двумя следователями и шестью судебными секретарями)
Сибирь (один регион, четыре города, в том числе областной центр)	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение за двумя делами в одном регионе; • интервью с 15 профессиональными юристами (четырьмя судьями, двумя сотрудниками прокуратуры, тремя адвокатами, шестью следователями)
Юг России (один город в одном районе)	<ul style="list-style-type: none"> • наблюдение за одним делом

Полевая работа по проекту была начата в марте 2019 г. и завершена в июне 2021 г. и включала два типа выездов в малые города и сельские районные центры, первый из которых – наблюдение за судами присяжных в качестве публики; второй – проведение экспертных интервью или бесед «под блокнот» с профессиональными участниками рабочих групп в пяти регионах (Сибири, Центральной России, Поволжье, Северо-Западе, на Урале). И хотя наше исследование было нацелено на изучение рабочих групп расследования уголовного дела в малых городах, мы проводили интервью и экспертные беседы с судьями и другими юристами в столичных городах регионов. Это объясняется тем, что, во-первых, зачастую и сторона обвинения, и сторона защиты в суде с участием присяжных были представлены в малом городе юристами из региональных центров; во-вторых, любая возможность поговорить с судьей, адвокатом или прокурором областного уровня оказывалась чрезвычайно ценной, поскольку роль обеспечивающих организаций в координации работы по сложному нетиповому делу является крайне важной.

⁴ Автор благодарит сотрудников ИПШ ЕУСПб Марию Батыгину, Дарью Кузнецову, Ксению Рунову, Александру Белянскую, Алексея Кнорре за помощь в сборе и анализе полевых данных, а также трех анонимных наблюдателей из двух регионов, которые помогли во время наблюдения за делами в очень удаленном регионе и в период COVID-19. Автор благодарна также экспертам и участникам семинаров, организованных Фондом «Хамовники» в течение 2019–2021 гг., где она представляла предварительные результаты исследования.

С методической точки зрения экспертные интервью и беседы велись по не-стандартизированному гайду с нарративным импульсом о суде присяжных. Для тех экспертов, кто уже практиковал суд с участием присяжных, этот опыт был центральной темой разговора; для тех же, кто еще не участвовал в такого рода заседаниях, основным нарративным импульсом становилось обсуждение реформы и готовности к работе в таком суде. Всех участников, работающих в малых городах и сельской местности, мы расспрашивали о нагрузке, типовых формах рабочих контактов и рутине работы.

Расследование уголовного дела и обвинительный уклон российской уголовной юстиции

Уголовный процесс в России устроен как поэтапный сбор фактов и доказательств с последующим судебным слушанием. Возбуждению уголовного дела предшествуют проверка материалов по сообщениям (если в деле есть заявитель) или рапорт сотрудника правоохранительных органов (если преступление было выявлено при оперативной работе). Следователи или дознаватели – первый «фильтр» поступающей информации, и, возбуждая уголовное дело, они формально фиксируют в материалах достаточность данных о событии и предварительно проверяют на причастность к преступлению лицо, которое фигурирует в полицейских материалах. При расследовании уголовного дела устанавливается виновное лицо, или же оно просто фиксируется, если данные о нем были собраны на предыдущей стадии. Именно в этот момент человеку государством гарантируется помощь адвоката, который вступает в защиту по соглашению с ним, или защитника назначает следователь⁵ при объявлении лицу статуса подозреваемого и/или обвиняемого. Следствие и дознание завершают дело, составляя обвинительное заключение или обвинительный акт, утверждаемые прокуратурой. И это второй «фильтр» судебной системы для отслеживания возможных ошибок: прокурор как профессиональный юрист проверяет работу других юристов с точки зрения полноты и качества расследования дела. При этом в самом процессе досудебного расследования уголовного дела у прокуратуры есть широкие надзорные полномочия за дознавателями и формально ограниченные – за следствием (где де-юре следователь независим не только от прокуратуры, но и от собственного руководства). После утверждения прокуратурой обвинения уголовное дело поступает в суд, где его поддерживают обычно помощники прокурора, специализирующиеся на государственном обвинении (юридически также независимые от вышестоящего руководства и не участвующие в процессе надзора за следствием или дознанием). В суде государственные обвинители, а затем и сторона защиты последовательно представляют доказательства, обсуждают их во время прений; далее суд должен их независимо оценить и вынести решение. В России де-юре предполагается активная роль судьи: он также вправе задавать вопросы, допрашивать свидетелей, назначать

5 В России адвокаты привлекаются в уголовные дела по двум типам контрактов: – по соглашению, когда работу адвоката оплачивает подсудимый или его близкие; – по назначению судом или следователем, когда подсудимый не может или не хочет оплачивать труд адвоката. Подробнее о двух типах контакта см. [Ходжаева, Рабовски 2015; Moiseeva 2017].

по своей инициативе экспертизы и прочее. И это третий формальный «фильтр» для отслеживания возможных ошибок в расследовании уголовного дела.

Социологическая деконструкция российского варианта уголовного преследования [Панеях и др. 2018] показала, что действительное решение о вине привлекаемого к ответственности человека происходит на стадии проверки материалов сообщения о преступлении и возбуждения по этим материалам уголовного дела. Это тот этап, где наблюдается меньше всего юридических гарантий и где органы уголовного преследования имеют большую свободу и дискрецию как в выборе средств работы с задержанным, так и в характере обвинения и будущего развития уголовного дела. Это существенно отличает российский вариант «рабочей группы зала суда», который объединяет в нее не только тех, кто собственно представляет и выносит решения по делам в суде, но и органы следствия, а иногда и оперативных сотрудников полиции, работающих с материалами и согласующих в прокуратуре и в суде те или иные решения (обыски, предварительные аресты и прочее).

Для всех участников расследования уголовного дела, включая судей, первостепенными в работе над уголовным делом являются соблюдение строгих сроков расследования и следование тем показателям, по которым оценивается их работа (для правоохранительных органов такие показатели на профессиональном жаргоне называются «палками») [Paneyakh 2014; McCarthy 2015, pp. 84–114]. Упрощая сложную систему отчетности, отметим, что:

- для полицейских важнейшими становятся показатели раскрываемости, то есть выявление лица, совершившего преступление;
- у следователей и дознавателей основной критерий оценки работы – количество расследованных и направленных в суд дел;
- для сотрудников прокуратуры, осуществляющих обвинение в суде, основной критерий успешной работы – количество поддержанных судом обвинений;
- и наконец, для судей крайне важными для оценки качества являются доли отмен их решений в вышестоящей инстанции.

Оправдание или другой реабилитирующий исход для всех участников процесса расследования дела из правоохранительной сферы буквально означают брак в работе. Поэтому каждый такой исход обжалуется прокуратурой в обязательном порядке и имеет большие шансы быть отмененным в вышестоящей инстанции⁶. Для судей это означает существенное снижение показателей качества работы. В результате решение о вине в подавляющем большинстве случаев принимается на максимально непрозрачной стадии предварительной проверки материалов, а судьи поддерживают обвинение даже в тех случаях, где есть серьезные вопросы к качеству расследования. Адвокатура (и сторона защиты в целом), несмотря на то, что УПК РФ гарантирует состязательность, оказывается фактически исключенной из расследования уголовного дела на предварительной стадии и очень ограниченной на стадии судебной. Основной арсенал работы адвоката в этих условиях – добиться квази-оправдания (мягкого решения, например, наказания, не связанного с лишением свободы) в обмен на признание вины или отказ от обжалования процессуальных нарушений [Ходжаева, Рабовски 2015; Moiseeva 2017].

⁶ В 2019 г. судьи районных судов вынесли оправдательные приговоры 1069 обвиняемым, публично привлеченным к уголовной ответственности в рамках процессов без участия присяжных. Это очень умеренный показатель, составляющий всего 0,18% от всех обвиняемых. Региональные суды (апелляционная инстанция для районных судов) в том же году отменили 298 оправдательных приговоров, что в соотношении к числу вынесенным оправданиям за тот же период составляет 28%.

Этот наиболее общий каркас устройства уголовной юстиции как имеющего обвинительный уклон хорошо описан в литературе [Solomon 2018]. Однако в каждом конкретном районном суде конфигурация и расстановка акторов, участвующих в расследовании уголовного дела, имеют свои особенности и динамику. Точно также существуют различия и в рутинных практиках работы по делу, если речь идет о типовом уголовном деле (одноэпизодное, легко расследуемое преступление, не оспариваемое стороной защиты и со слаборесурсным обвиняемым⁷) или же дело сложное, неоднозначное, с вовлечением сильных защитников.

Особенности правосудия в небольших районных центрах

Исследование было сфокусировано на уголовном судопроизводстве и судах с участием присяжных в малых городах и районных центрах по ряду причин. Мы предполагали встретить там более тесные и стабильные рабочие группы, чем в крупных городах, и эти ожидания оправдались: в связи с малочисленностью юридического сообщества в конкретном населенном пункте почти все информанты говорили о такой специфике. В наши кейсы попали совершенно немногочисленные рабочие группы – там, где работает, например, малосоставный суд (1–2 судьи + председатель суда). Обычно в этом же городе или районном центре действует один прокурор с помощником (редко с двумя) из районной или межрайонной прокуратуры. Следственный отдел СК в таких городах функционирует как межрайонный на несколько районов, и обычно на каждого из них приходится 1–2 следователя. Адвокатское сообщество здесь также малочисленно – 2–4 человека, зачастую бывшие сотрудники правоохранительных органов, ставшие адвокатами после выхода на служебную пенсию.

На другой стороне полюса наших кейсов находятся города с населением 50–100 тыс. чел., где функционируют достаточно масштабные суды (состав уголовной коллегии может достигать 3–6 судей), полноценные отделы прокуратуры (например, с 2–3 помощниками прокурора, работающими только обвинителями), и СК (до 8–9 следователей), и значимое число адвокатов – до 15 чел. Однако и здесь юридическое сообщество города, включая нотариусов и представителей других юридических субпрофессий, не так значительно, и в конечном итоге все знакомы друг с другом.

С малочисленностью связана и высокая плотность повседневных контактов: в самых небольших городах наблюдались ситуации, когда в отделе прокуратуры работал только один помощник прокурора, который как обвинитель постоянно участвовал во всех уголовных делах, а иногда и сам прокурор был вынужден представлять обвинение в суде. В случае малосоставных судов (1–2 судей) специализация не предусмотрена, и судьи рассматривают все категории дел. Но если штат суда состоит из 3–11 чел., обычно формируется коллегия (1–5 судей), которая рассматривает исключительно уголовные дела. В рабочие контакты с обвинителями, адвокатами и следователями на местах включены почти все судьи, отвечающие за уголовную юстицию.

⁷ Более 60% подсудимых в России безработные, еще 20% – рабочие. Исследования на судебной статистике показывают, что низкий социальный статус определяет в России более строгое наказание [Volkov 2016].

Большинство профессионалов-юристов знакомы друг с другом достаточно давно: нередко при личном общении адвокаты могут называть судью только по имени, поскольку познакомились еще во времена начала профессиональной деятельности (из интервью, малый город, около 50 тыс. населения, Юг)⁸. В малых городах и сельской местности высока вероятность личных связей: так, судьи в разных присутствиях одного суда могут оказаться родственниками (из интервью, село, менее 10 тыс. населения, Северо-Запад), или судья может быть замужем за следователем или прокурором (из интервью, село, более 10 тыс. населения, Поволжье). Здесь менее важны формальная иерархия и ведомственная дистанция: типична ситуация, когда председатель суда, поехав в присутствие в другом городе на личном транспорте, завозит документы в отдел полиции (из интервью, малый город, менее 10 тыс. населения, Поволжье). В малом городе суд и прокуратура, а иногда и СК могут располагаться на одной улице или даже в одном здании.

Еще одной немаловажной особенностью является удаленность от мест принятия решений по уголовной политике; особенно это касается труднодоступных районов, где представители закона оказываются территориально далеко от вышестоящих организаций и ближе к населению. Эту особенность отмечают те из них, кто переехал из крупных городов и обнаружил, что здесь все принято решать несколько иначе. Не все наши полевые выезды проходили в таких удаленных населенных пунктах: иногда районный суд в малом городе формально немногим отличался от обычного суда в мегаполисе, так как располагался в ближайшем пригороде с массовой многоэтажной застройкой спального района. Однако, с точки зрения самих участников рабочих групп, различия есть даже там: близость рабочих контактов, меньшая текучка и небольшой по сравнению с мегаполисной ситуацией размер рабочей группы делают работу лучше прогнозируемой и спокойной (из интервью, малый город, около 50 тыс. населения, Урал).

И наконец, следует отметить, что в малом городе конкурентность рабочих мест слабее, чем в крупном (за исключением позиций судей, а также городов, где высоки доходы, и/или где вблизи располагается крупный город). В целом молодые юристы не рвутся работать в суде или в правоохранительных органах малых городов или на селе, но, оказавшись там, на судьбу обычно не жалуются, соглашаясь принять основные преимущества – не такую высокую, как в больших городах, нагрузку⁹, меньшую сложность дел и чаще более сговорчивых адвокатов (когда значительный поток составляют дела «по назначению», то есть без активной, сопротивляющейся защиты). При этом сами адвокаты заявляют, что их доходы значительно ниже, чем у правоохранителей, хотя в последние годы значительное повышение ставок на оплату труда по назначению¹⁰ (а это, напомним, все еще основной поток дел) поправило ситуацию. Впрочем, адвокаты по доходам все еще проигрывают не только

⁸ Здесь и далее, ссылаясь на данные, мы будем указывать макрорегион, тип населенного пункта и примерный размер его населения.

⁹ За редким исключением, особенно если рядом располагаются учреждения ФСИН, которые обеспечивают районным судам и прокурорам большое количество дел по пересмотру приговоров.

¹⁰ Адвокатское сообщество долго добивалось повышения оплаты труда за рабочий день участия в уголовном деле, и постепенно удалось существенно увеличить расценки: с 500 руб. за судодень в типовом деле до 1500 руб. (в 2021 г.). Для дел повышенной сложности проведение следственных действий в ночное и нерабочее время, а также в регионах Дальнего Востока и Крайнего Севера вносятся повышенные ставки оплаты. См. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. N 1240 // <https://base.garant.ru/70272758/?ysclid=lr0fho5bmz589994207>, дата обращения 12.12.2023.

штатным сотрудникам прокуратуры, но и следователям СК. Но и здесь встречаются исключения: например, работая на Крайнем Севере, адвокаты могут хорошо заработать и в делах по назначению, поскольку в этих регионах действуют повышенные тарифы, и по этой причине чаще наблюдается конкуренция адвокатов за дело и, как следствие, активная защита в пользу подсудимого, а не в интересах рабочей группы.

Эмпирические типы рабочих групп

В ходе исследования была выстроена эмпирическая типология рабочих групп по расследованию уголовного дела по критериям (1) сплоченности, (2) наличия лидерства, которое трансформируется в ресурс управления этой группой. Большинство городов и районных центров, где проводилось исследование, характеризуется тем, что коммуникация между профессиональными участниками не только плотная, но одновременно основывается на консенсусе, как работать с типовым или сложным уголовным делом. Такие рабочие группы мы называем «сильными» и выделяем два типа:

- сильные, обеспеченные плотной коммуникацией прокуратуры и суда, с очень редкой включенностью адвокатов;
- сильные, обеспеченные судебской властью, зачастую находящейся в конфронтации с прокуратурой.

Несмотря на то, что оба типа являются сплоченными, их принципиальное различие заключается в том, что в первом случае группа опирается на тесную координацию усилий между прокуратурой и судом, а во втором – наличествует сильный и властный игрок – суд, обладающий множеством ресурсов для влияния на прокуратуру, а через нее – на следователей и других правоприменителей.

Третий эмпирический тип рабочих групп встречается реже – это слабые, разобщенные группы, где каждое ведомство сфокусировано на своих задачах и в меньшей степени имеет ресурсы влияния на контрагентов. Такая ситуация нестабильности и слабой организационной связанности представляется достаточно редкой еще и потому, что она обычно является результатом воздействия внешних факторов (например, сложности нагрузки – большого потока дел в связи с располагающимися рядом колониями) и влияния человеческого фактора (например, высокой ротацией прокурорских работников и судей и невозможностью создать прочные коалиции в определенном временном промежутке).

Главными игроками в сильных рабочих группах становятся суды, находящиеся на финальном этапе конвейера расследования уголовных дел и имеющие главный рычаг – исход дела, и/или прокуратура, надзирающая за полицией, следователями и участвующая в суде, и в том числе активно использующая возможности обжалования решений судей и подачи на них представления в вышестоящие инстанции. Следователи СК практически нигде, где мы проводили обследование, не имеют определяющей роли, а следствие МВД, плотно связанное с прокуратурой лишь в исключительных случаях, все же оказывает ей поддержку, но в лучшем случае играет всего лишь совещательную роль.

Адвокаты если и включены в рабочую группу, то только в качестве подчиненной и зависимой стороны; иногда наблюдается неформальная специализация

адвокатов на следствии (когда они чаще работают по приглашению следственных органов) и в суде, когда часть адвокатов работает в основном по приглашению суда. Порой встречаются 1–2 независимых, не кооперативных для рабочей группы адвоката, противопоставляющие себя как остальным участникам рабочих групп, так и своим коллегам по корпорации.

Можно выделить следующие факторы сплоченности рабочих групп:

1. **единый бэкграунд:** «Мы все – прокурорские, всегда пойдем друг друга», – ответил адвокат по уголовному делу с участием присяжных на вопрос, как складывалось взаимодействие со сторонами (из интервью, село, менее 10 тыс. населения, Северо-Запад). И действительно, и судья, и даже адвокаты защиты и потерпевшего в том деле были бывшими сотрудниками прокуратуры: в таком случае взаимопонимание и договоренности облегчаются через общий профессиональный опыт. В одном малом сибирском городе (менее 20 тыс.) ключевой судья, специализирующийся на расследовании уголовных дел, начинал свой карьерный путь там же как следователь СК, потом продолжил работу в прокуратуре, а затем был приглашен в судьи. В этом городе задействована очень сильная группа первого типа, где совещания полиции, следственных органов проходят в прокуратуре, при этом судьи весьма оперативно доносят свою позицию через бывших коллег;

2. **плотность рабочих контактов** усиливает сплоченность, физическая же удаленность ведомств друг от друга, напротив, осложняет; это же характерно и для тех отделов правоохранительных ведомств, а также судов, где наблюдается серьезная текучка кадров. Слабые рабочие группы часто возникают там, где отдел СК находится в другом городе, и качество расследования дела оказывается сложно контролируемым районным прокурором. В результате обвинение в суде оказывается ослабленным поддержкой надзорного звена и, встречая сопротивление защиты, может не выиграть дело в том же суде присяжных. Большая сменяемость судей и сотрудников прокуратуры также не дает сложиться устойчивым группам и усиливает последующую смену кадров, так как этот участок работы воспринимается как сложный, и все стараются перейти на работу в более спокойные районы;

3. **общность политики вышестоящих организаций** работает на сплочение, и наоборот, конфликтность отношений на уровне областных судов и областной прокуратуры передается рабочим группам и на районном уровне. Последнее видится чрезвычайно важным, что было выявлено в тех регионах, где на момент полевого выезда производились громкие расследования против руководителей областных судов, прокуратуры или СК областного уровня или где был взят курс на противоречивые политики, разобщающие судей и прокуроров.

Роль вышестоящих организаций

Взаимодействие участников низовых рабочих групп с их обеспечивающими организациями различается. В большей степени подконтрольными оказываются ведомственные игроки, более свободными от давления обеспечивающих организаций – адвокаты. Далее рассмотрим особенности взаимодействия каждой обеспечивающей организации с представляющими ее на местах участниками.

Суды областные и районные

Нормативно судьи являются независимыми акторами, назначаемыми пожизненно указом Президента РФ. Однако это не означает, что контроль над ними не осуществляется: суды вышестоящей инстанции становятся для каждого судьи субъектом как формального коллегиального контроля (через Совет судей и квалификационные комиссии), так и неформального. Последний осуществляется не только через председателей судов, но и через так называемых зональных судей: когда в областном суде работает судья, курирующий работу судей в конкретных районах («зонах»¹¹; о зональных кураторах см. также [Pomorski 2001]). Все сложные дела обычно принято согласовывать, и такими, например, оказываются дела с участием присяжных. Многие судьи говорили в интервью, что все нюансы дела они обговаривали с областным судом, вплоть до формулировки вопросов присяжным. И наоборот, если такого согласования не происходило, судьи ощущали, что действуют в сложном деле на свой страх и риск. Так, один судья рассказал, что получил изменение решения по делу с присяжными, которое он вел. По его мнению, изменение приговора произошло только потому, что он решил рассмотреть дело сам, ни с кем ничего не согласовав (из интервью, малый город, примерно 35 тыс. населения, Урал). В итоге, апелляционная инстанция лишь незначительно снизила размер санкций подсудимому (на три месяца из санкции в 9 лет и 8 месяцев колонии), но полностью изменила квалификацию деяния, что привело к отрицательной оценке работы этого судьи.

Важной особенностью областных судов как обеспечивающей организации является отсутствие формальной иерархии. Де-юре зональный куратор – это не должность, не звание и не какой-либо иной статус, это коллега из вышестоящего суда. Поэтому подчинение и согласование носят неформальный характер, а достигнутые неофициальные договоренности нестабильны, поскольку отсутствуют документы, официальные решения по результатам согласований, есть лишь советы более опытного коллеги. Судья районного звена понимает всю сложность своего положения: достигнутая неформальная договоренность зиждется на неформальной же связи зонального куратора с теми судьями, которые будут рассматривать дело в апелляции (если придется), и устойчивость таких договоренностей здесь никогда не гарантирована.

Председатель районного суда определяет для районных судей очень многое. Во-первых, именно он консолидирует сильные рабочие группы, превращая свою фигуру в ключевой медиатор позиции районных судей по тому или иному вопросу с другими контрагентами (прежде всего с прокуратурой). Во-вторых, его личный опыт и авторитет как у коллег, так и в вышестоящем суде являются дополнительными источниками гарантий неофициальных договоренностей.

Формально вышестоящие суды несут нагрузку по переобучению и профессиональной переориентации судей, помощников и секретарей районного звена. Такая переподготовка проводится достаточно регулярно, если формируется новый институт (как, например, суд присяжных) или произошли существенные изменения законодательства. Помимо обучения вышестоящие суды транслируют лучшие практики и решения через методические пособия, разрабатываемые областными судьями. Также нужно отметить конкуренцию по ключевым компетенциям между вышестоя-

¹¹ Термин «зона» здесь не имеет отношения к местам заключения. Это общеупотребимый в судах и правоохранительных органах эвфемизм к слову «территория».

щими судами: так, в интервью не единожды рассказывали, что районные судьи (или председатели) больше ориентировались на опыт не своих региональных судов в делах с участием присяжных, а на другие (часто даже не соседние) областные суды, которые воспринимали как «хабы лучших практик». Они организовывали долговременное сотрудничество с известными судьями из этих «хабов», ездили на конференции или за изучением опыта через «голову» своих вышестоящих судов. И это касалось не только Санкт-Петербурга или Москвы, но и областных судов других регионов.

Прокуратуры областные и районные

В отличие от судов прокуратура представляет собой кардинально другой тип взаимодействия вышестоящей организации и низовых игроков: в ней присутствуют иерархический и формальный контроль и связанная с этим подотчетность низовых исполнителей. Жесткая система статусов (должности и звания), командный стиль управления предполагают высокую степень подчиненности низовых исполнителей руководителям, несмотря на все юридические основания независимости конкретного прокурора или его помощника-обвинителя в уголовном деле.

Обратная сторона высокой подотчетности в прокуратуре – распределенная ответственность за принятые решения: согласовывая работу по сложному и резонансному делу, каждый обвинитель осознает, что все договоренности и согласования запротоколированы и будут исполнены. Более того, осуществляется и кадровая поддержка: в сложных делах, таких как суд присяжных, принято участие сотрудников вышестоящей прокуратуры в качестве обвинителей совместно с обвинителем из районной прокуратуры.

Сотрудники прокуратуры не раз говорили, что у них постоянно проводится обучение с распространением лучших практик, для чего задействованы не только выездные учебные мероприятия, но и специальные и почти ежедневные сессии по видеоконференцсвязи (ВКС). И хотя они отнимают немало времени, это хороший способ уловить основные сигналы и репертуары действий, которые вышестоящая прокуратура посылает низовым звеньям. В силу того, что поток информации организован иерархично, обратная связь в подобных коммуникациях ограничена: районные прокуроры лишь внимают той информации, которую распространяют их коллеги из областного уровня. Впрочем, эти сессии являются действенным каналом установления горизонтальных связей. Прокуроры буквально видят друг друга в системе ВКС, понимают общность проблем, могут наладить горизонтальное взаимодействие, позже неформально обратившись к коллегам из другой районной прокуратуры.

Адвокатские палаты и адвокаты на местах

Адвокатура – принципиально иной тип обеспечивающей организации. Де-юре имеющая признание в качестве института гражданского общества, она организована как саморегулирующая организация независимых профессионалов, контро-

лирующая посредством экзамена вход в корпорацию и при помощи распределенного коллегиального контроля поведение своих членов¹².

Ситуация в контроле адвокатуры над своими членами сильно отличается в зависимости от региона: в одних сильные адвокатские палаты прилагают усилия для осуществления надзора, в других адвокаты «на земле» чувствуют себя совершенно свободными от органов адвокатского самоуправления. Но даже в случае сильной адвокатуры основное внимание при контроле обычно уделяется жалобам подзащитных. Что именно делает адвокат, и как организывает неформальные отношения с судом и стороной обвинения, практически не контролируется, несмотря на широкий набор принятых адвокатским сообществом документов¹³.

Позиция адвоката, его авторитет в рабочей группе обеспечиваются сетевыми и неформальными связями с другими адвокатами. Обучение, коллегиальная поддержка организуются через региональную палату, но существует много других неформальных групп, осуществляющих лидерство и поддержку. Так, например, в одном из наших кейсов адвокат, выбравший суд присяжных, оказался в своем районном центре «белой вороной». Он не был понят коллегами, которые обычно выполняли работу «по старинке», неформально договариваясь об условиях для подзащитных со следствием и судом. Чтобы преодолеть изоляцию на уровне профессионального сообщества, он включился во всероссийскую сеть обучения, организованную известными адвокатами из Санкт-Петербурга. Именно эта сеть и дала ему толчок в профессиональном развитии и вызвала интерес к суду с участием присяжных (из интервью, ПГТ, примерно 20 тыс. населения, Поволжье). На уровне малых городов и районных центров это достаточно типовая ситуация: активные адвокаты обычно оказываются в меньшинстве и недостаточно поддержаны неформальными адвокатскими группами в своем городе. Защита прав адвокатов производится руководством региональных палат, фактически удаленных от местного контекста. В ходе полевой работы мы обнаружили только одну активную группу адвокатов, которые постоянно работали в среднем городе (население более 100 тыс.), но выезжали и в соседние малые города и районные центры, выступая относительно сплоченным сообществом. Эта ситуация представляет достаточно редкое исключение из правил. Но даже члены этой группы отмечали, что их поддерживают не все коллеги. Так, глава районного отделения областной коллегии, в котором они все работают, рвения и интереса к тому же суду присяжных не поддерживает: «<...> главу 42 УПК¹⁴ заложил скрепками, чтобы даже не открывать» (из интервью, город, более 100 тыс. населения, Урал).

Воздействие на «чужие» вышестоящие организации: слабая связность

Как было указано выше, слаженная политика областных судов и прокуратур является фактором сплочения рабочих групп на местах; и наоборот, наличие противо-

¹² Подробнее о дизайне российской адвокатуры см. [Бочаров, Моисеева 2017].

¹³ Кодекс профессиональной этики адвоката, Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов и другие документы.

¹⁴ Глава 42 УПК РФ «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей».

речий в политиках оказывается источником конфликта в рабочей группе. Поскольку прямого доступа к оппонентной вышестоящей организации нет ни у судей, ни у прокуроров, они обычно используют формальные каналы связи с обеспечивающими организациями своих контрагентов, подкрепляя их неформальными договоренностями на уровне своих вышестоящих организаций. Для прокуроров таким механизмом является обжалование решений и прокурорские представления в вышестоящий суд по конкретным решениям районных судей; для судей – это частные определения в адрес обвинителей (имеет более существенное значение для карьеры обвинителя, чем такие же определения в адрес адвокатов, на которые адвокатские палаты реагируют не всегда), следователей и адвокатов. Широкое использование таких формальных механизмов можно трактовать как признаки внутригруппового конфликта, характерного для сильных групп второго типа и для слабых групп.

Важными механизмами давления на группу суда становятся исход дела и влияние на негативные «палочные» показатели обвинителей, а вслед за ними и следователей, и полицейских структур, отвечающих за раскрытие, – это оправдание (даже частичное) или иной реабилитирующий исход (например, прекращение дела в отношении лица за непричастностью). Более мягкий сигнал – возвращение дела в прокуратуру на доработку обвинения. Однако активно такие меры могут себе позволить лишь судьи из сильных групп второго типа, чтобы дать сигнал прокурорам о правилах игры. Так, например, в нашей полевой работе мы встретили один малосоставный суд (двое судей в одном присутствии и один судья в другом), где председатель путем частых оправдательных решений добился соблюдения тех стандартов расследования уголовных дел, которые он считает достаточными. Однако на данный момент такие стандарты соблюдаются в основном только в одном районе; в другом же борьба с прокурором находится на пике разбирательств через вынесение обвинительных приговоров (из интервью, село, примерно 5 тыс. населения, Поволжье).

Таким образом, варианты формального давления районных сильных судей на своих более слабых контрагентов в налаженной группе расследования уголовного дела ограничены. Оправдание – это наиболее мощный инструмент; возврат дела прокурору по 237 УПК малопривлекательная, но допустимая для правоохранительных ведомств альтернатива. И наконец, вынесение судьей представления в адрес следователей или прокуроров имеет меньшее и часто отложенное влияние.

Результаты и дискуссии

Представленное в статье описание институционального и неформального взаимодействия представителей различных ведомств и структур (судей, прокуроров, следователей, адвокатов) в работе над уголовным делом дополняет уже опубликованные работы по теме. Так, траекторию уголовного дела, слаженность «палочных» показателей (или КРП), которые обеспечивают обвинительный уклон российской уголовной юстиции, описали сотрудники Института проблем правоприменения [Paneyakh 2014; Панеях и др. 2018; Волков и др. 2015; Бочаров и др. 2016] и другие авторы [McCarthy 2015; Solomon 2018]. Институциональная слабость адвокатуры

и недостаточная ресурсность стороны защиты склоняет ее не к стратегической, а к тактической борьбе [Ходжаева, Рабовски 2015], прежде всего к сделке [Moiseeva 2017]. Для рассмотренных в статье малых городов слабым ресурсом оказывается выход защиты в публичное поле для привлечения внимания, в отличие от громких и резонансных дел [Mustafina 2022], да и даже в крупных городах все больше публичность наказывается судьями, и адвокаты все меньше прибегают к этому рычагу [Казун 2021]. Однако эти широкие мазки уголовной юстиции не учитывают разнообразия правоприменения на локальном уровне. И мы вслед за Е.Н. Моисеевой, описавшей ранее различия в организационной культуре и дизайне рабочих групп в двух судах Санкт-Петербурга [Моисеева 2014], восполняем этот пробел.

На материалах долговременных полевых наблюдений и интервью мы выявили, что рабочие группы эмпирически можно разделить на слабые и сильные на основе критериев сплоченности и лидерства, которое трансформируется в ресурс управления этой группой. Слабые разобщенные группы возникают тогда, когда каждый ее участник сфокусирован на собственных задачах, и группа в целом не способна к устойчивой кооперации. Однако чаще всего в малых городах мы видим сплоченные группы, где лидерство (1) либо принадлежит судьям в качестве ключевых игроков, отвечающим за финальный исход дела и способным подчинить себе представителей следствия, прокуратуры и адвокатов так, чтобы дела расследовались, попадали в суд и рассматривались уже в суде так, как это предполагают судьи (встречается реже); (2) либо распределено между судьями и прокурорами, где последние берут на себя роль медиатора общих интересов. Адвокаты и следователи без исключений занимают в сильных рабочих группах подчиненное положение.

Факторами усиления рабочих групп становятся общий бэкграунд всех участников, единая политика вышестоящих организаций, стабильность участников, отсутствие кадровой текучки и ротации. Поскольку политика вышестоящих организаций играет ключевую роль для рабочей группы на уровне районного суда, мы рассмотрели различия между тем, как устанавливается контроль над ключевым игроками и распределяется подчинение на стадии судебного расследования уголовного дела. Если для взаимодействия между районными и областными судами важны формальные (председатели судов) и неформальные (зональные судьи) лидеры, которые, впрочем, не могут напрямую отдавать приказы и оказывают влияние на нижестоящих судей лишь через неформальные согласования и сигналы, то для прокуратуры характерны строгие и формальные иерархические отношения, которые часто избавляют низовых работников от части ответственности. Адвокатуры, несмотря на заметные региональные различия в контроле над низовыми членами, все же создают самые свободные институциональные условия для работы адвокатов по уголовному делу, однако при этом не имеют возможности ресурсно обеспечить адвокатов.

Серьезным вызовом является возникновение между вышестоящими организациями разногласий в видении политики на низовом уровне. Неформальные рычаги влияния районных судей на вышестоящую прокуратуру или следственный орган практически отсутствуют, а формальные – неэффективны. В результате сильные группы, особенно с судейским лидерством, все же достигают определенных договоренностей, а слабые разобщаются еще больше.

Список источников

- Бочаров Т., Волков В., Дмитриева А., Титаев К., Четверикова И., Шклярчук М. (2016) Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Ч. 1. СПб.: ЕУСПб.
- Бочаров Т.Ю., Моисеева Е.Н. (2017) Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Волков В., Дмитриева А., Титаев К., Ходжаева Е., Четверикова И., Шклярчук М. (2015) Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России. СПб.: ИПП ЕУСПб.
- Казун А.П. (2021) Громче скажешь – раньше выйдешь? Этические и тактические основания использования публичности как тактики судебной защиты в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 450–471. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1892
- Моисеева Е.Н. (2014) Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 17. № 4. С. 86–100 // <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/674>, дата обращения 25.11.2023.
- Моисеева Е.Н. (2015) Рецензия на книгу: Eisenstein J., Jacob H. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1977 // Социология власти. Т. 27. № 2. С. 243–252 // <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425386/#425372>, дата обращения 25.11.2023.
- Панейх Э., Титаев К., Шклярчук М. (2018) Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб.: ЕУСПб.
- Ходжаева Е., Рабовски Ю. (2015) Стратегии и тактики адвокатов в условиях обвинительного уклона в России // Социология власти. Т. 27. № 2. С. 135–167 // <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425386/#425372>, дата обращения 25.11.2023.
- Altheide D.L. (1992) *Gonzo Justice* // *Symbolic Interaction*, vol. 15, no 1, pp. 69–86. DOI: 10.1525/si.1992.15.1.69
- Blumberg A.S. (1967) *The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession* // *Law & Society Review*, vol. 1, no 2, pp. 15–40. DOI: 10.2307/3052933
- Church Th. (1976) *Plea Bargains, Concessions and the Courts: Analysis of a Quasi-experiment* // *Law & Society Review*, vol. 10, no 3, pp. 377–401. DOI: 10.2307/3053139
- Clear T.R., Hewitt J.D., Regoli R.M. (1978) *Discretion and the Determinate Sentence: Its Distribution, Control, and Effect on Time Served* // *Crime & Delinquency*, vol. 24, no 4, pp. 428–445. DOI: 10.1177/001112877802400403
- Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Courts*, Little, Brown Boston.
- Emerson R.M. (1983) *Holistic Effects in Social Control Decision-making* // *Law and Society Review*, vol. 17, no 3, pp. 425–455. DOI: 10.2307/3053588
- Farrell R.A., Holmes M.D. (1991) *The Social and Cognitive Structure of Legal Decision-making* // *The Sociological Quarterly*, vol. 32, no 4, pp. 529–542. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1991.tb00152.x
- Galanter M. (1974) *Why the Haves Come out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change* // *Law & Society Review*, vol. 9, no 95, pp. 95–160. DOI: 10.2307/3053023
- Hagan J., Hewitt J.D., Alwin D.F. (1979) *Ceremonial Justice: Crime and Punishment in a Loosely Coupled System* // *Social Forces*, vol. 58, no 2, pp. 506–527. DOI: 10.1093/sf/58.2.506
- Heumann M. (1978) *Plea Bargaining: The Experiences of Prosecutors, Judges, and Defense Attorneys*, University of Chicago Press.
- Levin M.A. (1977) *Urban Politics and the Criminal Courts*, University of Chicago Press.
- Maynard D.W. (1984) *Inside Plea Bargaining*, New York: Springer.
- McCarthy L.A. (2015) *Trafficking Justice: How Russian Police Enforce New Laws, from Crime to Courtroom*, Cornell University Press.

- McDonald W.F. (1979) From Plea Negotiation to Coercive Justice: Notes on the Respecification of a Concept // *Law and Society Review*, vol. 13, no 2, pp. 385–392. DOI: 10.2307/3053260
- Moiseeva E. (2017) Plea Bargaining in Russia: The Role of Defence Attorneys and the Problem of Asymmetry // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 41, no 3, pp. 163–184. DOI: 10.1080/01924036.2016.1233441
- Mustafina R. (2022) Turning on the Lights? Publicity and Defensive Legal Mobilization in Protest-related Trials in Russia // *Law & Society Review*, vol. 56, no 4, pp. 601–622. DOI: 10.1111/lasr.12631
- Nardulli P.F. (1978) *The Courtroom Elite: An Organizational Perspective on Criminal Justice*, Ballinger Publishing Company Cambridge, MA.
- Nardulli P.F., Flemming R.B., Eisenstein J. (1985) Criminal Courts and Bureaucratic Justice: Concessions and Consensus in the Guilty Plea Process // *Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 76, no 4, pp. 1103–1131 // <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6505&context=jclc>, дата обращения 12.12.2023.
- Padgett J.F. (1985) The Emergent Organization of Plea Bargaining // *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 4, pp. 753–800 // <https://www.jstor.org/stable/2779518>, дата обращения 12.12.2023.
- Paneyakh E. (2014) Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 115–136. DOI: 10.1080/1060586X.2013.858525
- Pomorski S. (2001) Justice in Siberia: A Case Study of a Lower Criminal Court in the City of Krasnoyarsk // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 34, no 4, pp. 447–478 // <https://www.jstor.org/stable/48609426>, дата обращения 12.12.2023.
- Rosett A.I., Cressey D.R., Ruth H.S. (1976) *Justice by Consent: Plea Bargains in the American Courthouse*, Lippincott Philadelphia.
- Solomon P. (2018) Accusatorial Bias in Russian Criminal Justice // *A Sociology of Justice in Russia* (eds. Kurkchyan M., Kubal A.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 170–204.
- Sudnow D. (1965) Normal Crimes: Sociological Features of the Penal Code in a Public Defender Office // *Social Problems*, vol. 12, no 3, pp. 255–276. DOI: 10.2307/798932
- Volkov V. (2016) Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia’s Criminal Courts // *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 1, no 4, pp. 637–665. DOI: 10.1111/jels.12128

The Institutional Design of Working Groups for Criminal Investigations: District Courts in Small Towns and Rural Areas

E.A. KHODZHAeva*

***Ekaterina A. Khodzhaeva** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute for the Rule of Law, European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, ekhodzhaeva@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

This article was prepared with the financial support of the Khamovniki Foundation based on the project “Justice in small towns: working groups vs the court of equals”.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in November 2023.

Citation: Khodzhaeva E.A. (2024) The Institutional Design of Working Groups for Criminal Investigations: District Courts in Small Towns and Rural Areas. *Mir Rossii*, vol. 33, no 2, pp. 142–162 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-142-162

Abstract

This article extends research on the organization of the Russian criminal justice system by examining the institutional and informal interactions among members of courtroom working groups (judges, prosecutors, investigators, and defense lawyers) in small towns and rural settings. It introduces an analytical framework distinguishing between “working groups” in criminal justice based on cohesion and leadership—key elements that determine a group’s effectiveness in managing criminal investigations. Weak groups, characterized by a lack of integration and focus on individual tasks and struggle without consistent cooperation. Conversely, strong groups, commonly found in smaller communities, exhibit high levels of cohesion. Leadership within these groups varies: it is predominantly held by judges, who ensure cases proceed in alignment with their vision, or shared between judges and prosecutors, with the latter acting as mediators of collective interests. Defense lawyers and investigators typically assume subordinate roles in these hierarchies. Field data suggest that factors reinforcing group strength include shared experiences (e.g., a background in the prosecutor’s office), the cohesive policies of supervisory bodies, and a stable group composition with minimal staff changes.

Keywords: *Russian criminal justice, courtroom working groups, organizational analysis of justice system, courts’ workload, collaboration between state agencies, jury trial*

References

- Altheide D.L. (1992) Gonzo Justice. *Symbolic Interaction*, vol. 15, no 1, pp. 69–86. DOI: 10.1525/si.1992.15.1.69
- Blumberg A.S. (1967) The Practice of Law as Confidence Game: Organizational Cooptation of a Profession. *Law & Society Review*, vol. 1, no 2, pp. 15–40. DOI: 10.2307/3052933
- Bocharov T., Volkov V., Dmitrieva A., Titaev K., Chetverikova I., Shklyaruk M. (2016) *Diagnostics of the Work of the Judicial System in the Field of Criminal Proceedings and Proposals for Its Reform. Part I*, Saint Petersburg: IRL EUSPb (in Russian).
- Bocharov T.Yu., Moiseeva E.N. (2017) *Being a Lawyer in Russia: A Sociological Study of the Profession*, Saint Petersburg: EUSPb Press (in Russian).
- Church Th. (1976) Plea Bargains, Concessions and the Courts: Analysis of a Quasi-experiment. *Law & Society Review*, vol. 10, no 3, pp. 377–401. DOI: 10.2307/3053139
- Clear T.R., Hewitt J.D., Regoli R.M. (1978) Discretion and the Determinate Sentence: Its Distribution, Control, and Effect on Time Served. *Crime & Delinquency*, vol. 24, no 4, pp. 428–445. DOI: 10.1177/001112877802400403
- Eisenstein J., Jacob H. (1977) *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Courts*, Little, Brown Boston.
- Emerson R.M. (1983) Holistic Effects in Social Control Decision-making. *Law and Society Review*, vol. 17, no 3, pp. 425–455. DOI: 10.2307/3053588
- Farrell R.A., Holmes M.D. (1991) The Social and Cognitive Structure of Legal Decision-making. *The Sociological Quarterly*, vol. 32, no 4, pp. 529–542. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1991.tb00152.x
- Galanter M. (1974) Why the Haves Come out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change. *Law & Society Review*, vol. 9, no 95, pp. 95–160. DOI: 10.2307/3053023

- Hagan J., Hewitt J.D., Alwin D.F. (1979) Ceremonial Justice: Crime and Punishment in a Loosely Coupled System. *Social Forces*, vol. 58, no 2, pp. 506–527. DOI: 10.1093/sf/58.2.506
- Heumann M. (1978) *Plea Bargaining: The Experiences of Prosecutors, Judges, and Defense Attorneys*, University of Chicago Press.
- Kazun A.P. (2021) If You Make a Noise, Will You Get Freedom Earlier? Ethical and Tactical Factors for Using Publicity as a Tactic of the Defense in the Russian Court. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, no 3, pp. 450–471 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1892
- Khodzhaeva E., Rabovski J. (2015) Strategies and Tactics of Criminal Defenders in the Context of “Accusatorial Bias” (“obvinitelinyi ukлон”) in Russia. *Sociology of Power*, vol. 27, no 2, pp. 135–167. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425386/#425372>, accessed 25.11.2023 (in Russian).
- Levin M.A. (1977) *Urban Politics and the Criminal Courts*, University of Chicago Press.
- Maynard D.W. (1984) *Inside Plea Bargaining*, New York: Springer.
- McCarthy L.A. (2015) *Trafficking Justice: How Russian Police Enforce New Laws, from Crime to Courtroom*, Cornell University Press.
- McDonald W.F. (1979) From Plea Negotiation to Coercive Justice: Notes on the Respecification of a Concept. *Law and Society Review*, vol. 13, no 2, pp. 385–392. DOI: 10.2307/3053260
- Moiseeva E.N. (2014) Courtroom Working Groups in Saint Petersburg. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no 4, pp. 86–100. Available at: <http://jourssa.ru/jourssa/article/view/674>, accessed 25.11.2023 (in Russian).
- Moiseeva E.N. (2015) Review on Eisenstein J., Jacob H. Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston, Toronto: Little, Brown and company, 1977. *Sociology of Power*, vol. 27, no 2, pp. 243–252. Available at: <https://socofpower.ranepa.ru/home/archive/2015/425386/#425372>, accessed 25.11.2023 (in Russian).
- Moiseeva E. (2017) Plea Bargaining in Russia: The Role of Defence Attorneys and the Problem of Asymmetry. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 41, no 3, pp. 163–184. DOI: 10.1080/01924036.2016.1233441
- Mustafina R. (2022) Turning on the Lights? Publicity and Defensive Legal Mobilization in Protest-related Trials in Russia. *Law & Society Review*, vol. 56, no 4, pp. 601–622. DOI: 10.1111/lasr.12631
- Nardulli P.F. (1978) *The Courtroom Elite: An Organizational Perspective on Criminal Justice*, Ballinger Publishing Company Cambridge, MA.
- Nardulli P.F., Flemming R.B., Eisenstein J. (1985) Criminal Courts and Bureaucratic Justice: Concessions and Consensus in the Guilty Plea Process. *Journal of Criminal Law and Criminology*, vol. 76, no 4, pp. 1103–1131. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6505&context=jclc>, accessed 12.12.2023.
- Padgett J.F. (1985) The Emergent Organization of Plea Bargaining. *American Journal of Sociology*, vol. 90, no 4, pp. 753–800. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2779518>, accessed 12.12.2023.
- Paneyakh E. (2014) Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 115–136. DOI: 10.1080/1060586X.2013.858525
- Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2018) *Trajectory of a Criminal Case: Institutional Analysis*, Saint Petersburg: EUSPb (in Russian).
- Pomorski S. (2001) Justice in Siberia: A Case Study of a Lower Criminal Court in the City of Krasnoyarsk. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 34, no 4, pp. 447–478. Available at: <https://www.jstor.org/stable/48609426>, accessed 12.12.2023.
- Rosett A.I., Cressey D.R., Ruth H.S. (1976) *Justice by Consent: Plea Bargains in the American Courthouse*, Lippincott Philadelphia.

- Solomon P. (2018) Accusatorial Bias in Russian Criminal Justice. *A Sociology of Justice in Russia* (eds. Kurkchyan M., Kubal A.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 170–204.
- Sudnow D. (1965) Normal Crimes: Sociological Features of the Penal Code in a Public Defender Office. *Social Problems*, vol. 12, no 3, pp. 255–276. DOI: 10.2307/798932
- Volkov V. (2016) Legal and Extralegal Origins of Sentencing Disparities: Evidence from Russia's Criminal Courts. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 1, no 4, pp. 637–665. DOI: 10.1111/jels.12128
- Volkov V., Dmitrieva A., Titaev K., Khodzhaeva E., Chetverikova I., Shklyaruk M. (2015) *Diagnostics of the Work of Law Enforcement Agencies to Protect Public Order and Perspective for the Creation of Municipal Police in Russia*, Saint Petersburg: IRL EUSPb (in Russian).